

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЕРЕГОВОРЩИКА

(майор Измайлов, verbatim)

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПЕРЕГОВОРЩИКА

(майор Измайлов, verbatim)

Запись, монтаж – *letterra.org* (2010)

For presentational & educational purposes only

(серия *letterra.org*: 014)

1.	афганское время гауптвахта в Германии военкомат и интервью для «Новой» до Комиссии с гаишниками, в разведбате Комиссия вместо отпуска на кого обменивать? интервью с последствиями	...5
2.	волчий паспорт в тройственном положении сложности распределения «Возьми одного...» день независимости в Грозном у здания администрации... пограничники Ковалев и Лавер поездка с Виктором разные генералы случай Панковой два Димы как попадали... Козьменко/Хачилаев... «Люба» и жалость состояние-там Андрюша – без гарантий, без обмена	...47
3.	Поклонский, «утрата жалости» рассказ Абдурахмана прапорщик и пасечник «Мама, с тебя 10'000...» и «Надир, нас обманул!..» Кузьмина, Бальбуров/Адаев «Из любви!..» обстоятельства: Борода, Кмс, Сабля... обстоятельства: «человеческие отношения» «Это для гигиены!» «Считайте меня просто пишущим человеком...» после плена... «Ты майор, а я генерал...» «Террорист» и другие просьба Мурада случай Ади Шарона 4 момента... ни А ни В,.. но С ... «Меня – не освободить...»	...99
	<i>От редакции</i>	...147
	<i>Приложения:</i> Полковник Бенчарский, <i>verbatim</i> (VI.2010)	...149
	<i>Фотографии</i>	...156

1.

афганское время

Во-первых, я военный...

Почему Афганистан, не все же прошли Афганистан..

Я считал так тогда, считаю и сейчас: Афганистан был независимо от нас – кто-то в Политбюро так решил, а мы... я военный человек, как же быть: другие там находятся, а я нет. И уже тогда я осознал – а как люди, а как афганцы к этому отнесутся. Я считал – лучше там я буду, со своим сознанием, чем какой-то другой человек. Я считал, что я должен быть там, раз я ношу погоны и раз Афганистан существует для нас, для Советского Союза.

В сентябре 1985 г. я попал в Афганистан, до этого был несколько дней в Ташкенте – делали нам прививки и так далее, а потом буквально через несколько дней отправили в Афганистан. Первое впечатление – в самолет нас, офицеров, натолкали как селедку. Нельзя было не только сидеть – нельзя было стоять; все 2 часа от Ташкента до Кабула я стоял на одной ноге, как страус, и я видел, что людей тошнило, и у меня тоже, хотя я занимался спортом, особенно при взлете и посадке кружилась голова. Самолет был АН-12, обычно он перевозил мясо и его корпус даже не был герметичен.

И вот такое состояние – когда мы прилетели в Кабул: жара ташкентская и жара кабульская – это большая разница, там на меня *дышала* жара, такой жары я никогда не видел, но я был рад, что вообще живым долетел и мне тогда было все равно – душманы, недушманы...

Первые дни мы были на пересылке в Кабуле, а потом меня определили в бригаду, которая находилась в Пули-Хумри, рядом с нашим Термезом, а батальон, в который определили меня, находился в совсем другой части Афганистана, в Шинданте. Чтобы оттуда добраться до Пули-Хумри, надо было сначала час лететь до Кабула, потом до Кундуза еще час, затем на вертолете до Пули-Хумри и потом добираться еще машиной

У всех наших партийных, комсомольцев учетные карточки находились в Пули-Хумри, так что даже когда ты отслужил, остался в живых за эти два года, ты должен был еще раз проделать этот маршрут – и некоторые из возвра-

щавшихся там погибали, некоторые становились калеками.

Один из моих командиров роты (сам я был замкомбата), его фамилия была Сидоров, он отслужил два года в Шинданте и у него была такая старенькая шинель. А сам я прилетел с Дальнего Востока, где прослужил 4 года, свою шинель отдал сменщику, которому она понравилась, и на новое место прибыл без шинели, а это был сентябрь... И я сказал Сидорову, слушай, мне еще здесь служить два года – оставь мне свою шинель! И в этой старенькой шинели я еще долго проходил, и когда меня перевели из Афганистана в Прибалтику, и все его вспоминал.

С самим же Сидоровым случилась следующая история, когда он улетал из Шинданта по этому маршруту Кабул-Кундуз– Пули-Хумри, напали на них душманы и он получил ранение. Потом я с ним не виделся, но, как слышал, жил он в Риге и был калекой – такая ситуация...

И еще, что поразило в первые дни – мы из Кабула поехали до Кундуза вместе с автомобильной колонной, потом с другой колонной добирались до Пули-Хумри, и вот, сидели мы на бэтэре, а ребята поопытнее, солдаты, офицеры, когда мимо проезжала афганская машина (мы их называли «барбухайки») с арбузами, дынями, – они запрыгивали в кузов и выбрасывали оттуда эти сладкие арбузы и дыни как свои, т. е. вели себя не как гости в чужой стране, а как хозяева, как захватчики. И это меня поразило, и даже тот афганец сказал по-своему – ну хватит-хватит! Ну сколько можно выбрасывать!

И когда мы проезжали по Салангу (а Саланг – это 4000 метров над уровнем моря) в сентябре месяце (когда по всему Афганистану жара) под нами лежал снег и везде лежали разбитые, сожженные душманами машины, «камазы»... такие были первые впечатления от Афганистана.

Потом мы поехали обратно по тому же маршруту, на весь путь, сначала в бригаду, потом собственно на место службы в батальон, ушло больше недели...

Первый рейс еще прошел более или менее, а во втором рейсе... В Шинданте я как-то пошел в столовую и ко мне обращается один мальчик (рядовой Хейлик, он из Донецка был), невысокого роста, худенький – такие забитые обычно в столовой работали, – он подходит ко мне и говорит: я уже полтора года в Афганистане, а ничего, кроме батальонного расположения не видел, меня спросят «как ты воевал?», а я не воевал вообще, возьмите меня в рейс! – И я сказал: хо-

рошо. И мы взяли его в рейс, но я поставил ему человека, который должен был ему помогать.

Рейс был из Шинданта до Кандагара. Я был замкомандира автомобильного батальона, старшим колонны, а только в одной роте у меня было порядка 75 машин, во всем батальоне – 200 машин, и, конечно, уследить за всеми 6-7 офицерам было невозможно, но за этим солдатиком как-то следили. Но когда уже возвращались, на выходе из Кандагара направо была пустыня, и надо было свернуть направо, хотя дорога шла прямо, и надо было следить за впередиидущей машиной, но он не заметил, что она повернула направо, и поехал по дороге прямо, в сторону моджахедов. Получилось, что мы потеряли солдата – я взял его в рейс, а мы потеряли солдата, потеряли машину! Меня по рации спрашивают – где он? И вот я оставляю в пустыне батальон, а уже вечереет, и мы с несколькими офицерами отправляемся его разыскивать – уже не по колее, а по всей пустыне, даже не думая, что можем подорваться и прочее. Главное было – как-то его найти. И мысль была такая у всех нас, у меня тоже, в Афганистане: лучше человеку погибнуть, чем попасть в плен. Слава богу, что солдатик проехал 3 км в сторону моджахедов, понял, что никакой колонны перед ним нет, он бросил машину, вышел по горам к своим, нам сообщили, что он находится там-то и там-то, и мы его взяли, а наутро забрали и его машину. Такая была первая ситуация...

Афганистан за эти 2 года запомнился многим – каждый час происходило что-то. Вот один рейс – 15 ноября, сам я в нем не был, но мне сообщали, что пропал солдат (фамилия его, по-моему, была Дьяков), который первый раз был в рейсе, и вот такая же мысль: лучше бы ему погибнуть, чем попасть в плен. Нет солдата – машина его есть, автомат его в машине есть, нет нескольких гранат и его самого... И солдата находят мертвым в нескольких сотнях метров.

Он особенно мне запомнился, поскольку у меня сохранилась его предсмертная записка – он покончил жизнь самоубийством, подорвал себя гранатой, молодой солдатик, и ответа на его слова в той записке я не нахожу до сих пор. Я помню эти слова: я стал трусом, такие люди не должны жить, прошу сообщить моей маме, что я погиб как герой... (Потом его мама – одного прапорщика мы послали тело это-

го солдатика доставить семье, но он сбежал, оставил гроб в военкомате и бегом назад, – а его мама писала и спрашивала, как погиб сын...)

Для меня же, что в Афганистане, что после – будь ты трусом, калекой, да кем угодно, все равно, для своей мамы ты – сын, главное, чтобы ты вернулся с войны, каким угодно. А государство наше было настроено так, что ты должен быть победителем, героем, должен быть сильным. Вот эта установка была и в нем... Я бы ни при каких обстоятельствах, ни тогда, ни сейчас, не смог бы покончить жизнь самоубийством, а ему хватило смелости пойти на это, но он называл себя трусом – вот это мне было непонятно и тогда и сейчас, наверное это могут объяснить только психологи...

То что отличало Афганистан, может быть от Чечни тоже, это, наверное, вот что... Тогда, я уже отслужил полтора года, мы ушли в рейс и перед Кандагаром были обстреляны, попали в засаду. И со мной вместе в машине технического замыкания остались несколько человек, которых я до сих пор помню по именам. – Русский, рядовой Мотыхляев, он был разгильдяй из разгильдяев, постоянно кого-то из молодых обижал, и я с ним вечно ругался по этому поводу; литовец Микилёнис, мы его называли Микки; латыш Иглитис, он был самый молодой – всего полгода прослужил, ему было от силы 19 лет; узбек Фадзиев. И они, эти ребята, под обстрелом творили чудеса, они многих спасли, и вот последнее – надо было забрать машину технического замыкания... И первым рванулся – пули летят, даже видно, как они летят, нас обстреливали – первым рванулся латыш, Иглитис (его звали Энт, и его отчество я помню – Робертович, мы потом занимались его опознанием – пуля попала ему в голову)... И вот, лежит он на земле, без сознания, и истекает кровью, и его надо было убрать с того места – к нему подползли я и Мотыхляев. Я был на той стороне, откуда стреляли и мы ползли двести метров до бэтээра, и он, Иглитис, умер уже в бэтээре. А потом надо было еще забрать машину технического замыкания... И вот мы лежим с Мотыхляевым и я ему говорю, как на «Урале» включается задняя передача, и он потом два слова каких-то сказал, встал, этот мальчик-разгильдяй 19-ти лет, пробежал к этой машине, завел ее – я видел, как пули попадают в кабину и что машина вся изрешечена, вся в пулях – и он проехал.

Иглитис же умер в бэтээре, не довезли мы его, и я отправил сопровождать его в Кабул Микилёниса. А через не-

сколько, 4-5, дней мы добрались до Шинданта и мне командир говорит: мне этот солдатик, Микилёнис, рассказал о твоём поведении... и фактически первое представления меня, тогда капитана, к награде было сделано именно солдатом...

И еще – с Мотыхляевым я потом уже никогда не ругался, не спорил ни за что; если что было в рейсах, то я просто посмотрю в его сторону, и он тоже посмотрит в мою сторону, и мы все понимали без слов, по такому беглому взгляду...

Об Афганистане можно много говорить... Был такой со мной не то чтобы неприятный – нехороший случай: в одном из рейсов мы были обстреляны и несколько офицеров получили тяжелые ранения – Володя Иващенко, командир роты, отслуживший уже два года с лишним в Афганистане, он уже должен был уезжать, в Ташкенте его ждала невеста, сам он был с Украины, и человек приехал его менять. А дело обстояло так – пришла замена командира роты в нашем батальоне, а завтра надо было уезжать в рейс. И была такая неписаная традиция в Афганистане, которую знали все от командарма до простых людей – если приходит замена офицеру, то его в рейс не посылают. А тут замена приходит сегодня вечером, а наутро надо идти в рейс... Ну и несколько человек нас сидит, командир батальона, я, еще кто-то, и мы думаем: как поступить? И я, тогда год уже прослуживший, говорю: через два года, если со мной будет такая же ситуация, я пойду в рейс – надо посылать этих ребят. Я сказал – и этих ребят послали, и тот командир роты, кому пришла замена, Володя Иващенко, был тяжело ранен – он остался без руки, и вторая рука тоже была сильно повреждена, осколками посеколо все тело. Он находился в Кандагаре и я к нему тогда поехал, но не успел на несколько часов – его, раненого, переправили в Ташкент, где его ждала невеста, они потом поженились и у них было двое детей, две девочки – потом мы виделись у меня в «Новой газете» в 1999 г., в день моего рождения... А в том рейсе было ранено сразу несколько офицеров батальона и некоторые солдатики разболтались. Дело в чем – когда проходит несколько суток в рейсе по пустыне, то уже не обращаешь внимания на опасность мин, голова занята одним: когда же, наконец, кончится эта бесконечная пыль от впереди идущих машин, которых ты даже не видишь – ты весь в пыли, она везде.

И думаешь тогда только об одном – глотке свежего воздуха, все думали об этом. А моя забота была в том, чтобы солдаты вернулись домой живыми... Я тогда всех предупредил: если одна машина останавливается в пустыне – то все останавливаются, будешь ее обходить – можешь попасть на минное поле. И вот одна машина встала, вокруг нее возились – час, другой, уже вечерело и мы могли быть обстреляны, так что я посмотрел как ее можно обойти, проехал и начал пропускать в объезд другие машины. И вот одна машина проходит, а ее на двойном обгоне начинает обходить другая. Я бросаюсь ей наперерез, а в этой машине сидел рядовой Лесняков, из Пермской области, уже прослуживший полтора года. Я вытаскиваю его – он был босиком, без бронжилета: ему было все равно, главное хоть как-то глотнуть свежего воздуха, – сам ему едва до плеча достаю и на него кричу: подорвешься! – а он мне в ответ: я сам за свою жизнь отвечаю! И давай бежать от меня – а куда бежать: кругом пустыня! И я, хоть и доставал ему только до плеча, я ударил его головой в подбородок и у него была сломана челюсть... На следующий день, переночевав в пустыне, мы вошли в Кандагар, и я отвез его в госпиталь – там сказал: он резко остановил машину, ударился головой о руль и вот, сломал себе челюсть...

Ну, две недели прошло, он выздоровел, опять вернулся в часть, потом прошел месяц, два – и я, уже более года отслужив в Афганистане, уезжал в отпуск... и тут приходит телеграмма из части, из Афганистана: мне срочно нужно явиться. Там меня ждала выездная партийная комиссия: ты сломал челюсть солдату! – а истории уже три месяца, и очень интересный момент: этого солдата заставляли написать на меня бумагу, как так – замкомбата сломал тебе челюсть, и этот солдат не стал ничего писать, ни при каких обстоятельствах. А написал на меня другой солдатик, которому я давал рекомендацию в партию, и парторг батальона, ингуш, – после Афганистана я был у него в Ингушетии (он там был замвоенкома) и когда занимался заложниками, то несколько раз с ним встречался. Но тогда мне объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку и чуть не исключили из партии. Но что было очень важно и необычно для меня – то, что этот солдат не написал никакого заявления на меня, как бы его ни уговаривали...

В Афганистане было всякое, я сталкивался и с очень грязным делом. Было такое, когда несколько офицеров с солдатами, такая организованная группа, они продавали аккумуляторы, колеса, патроны и т.д. В итоге они были разоблачены. Солдат сразу определили на гауптвахту, а офицеры остались при части, но они не ходили в рейс. И вот такая ситуация: кто-то был ранен, кто-то болел, да еще трое офицеров не ходят в рейсы – очень было трудно. Месяц проходит – военная прокуратура всё занимается этим делом, два, три, четыре... И вот, май месяц 1986 года – нам из офицеров вообще в рейс некого посылать – я командиру говорю: давай их пошлем, просто нет выхода! Командир согласился, их послали, они попали под обстрел сильный, многие люди в этом рейсе погибли, и все эти трое провинившихся офицеров тогда проявили мужество, они ползали, вытаскивали раненых и т.д., и когда они вернулись я командиру говорю: прокуратура ведет против них дело, но у меня не поднимается рука, я не могу после этого рейса им помнить, что они преступили закон, я пойду к прокурору. С прокурором, который тогда был в госпитале, у нас были хорошие отношения, доставшиеся по наследству от прошлого командира, и вот я пришел к нему в госпиталь и говорю: что нужно сделать, чтобы на них не возбуждали уголовные дела, чтобы они вернулись к своей повседневной деятельности? Ведь их с февраля по май не посылали в рейс! И он сказал: ты знаешь, пусть они пошлют те деньги, что выручили с продажи аккумуляторов, колес, патронов, в Фонд Мира... И я сказал это тем ребятам, и с ними сходил в банк, через который они переслали деньги в Фонд Мира, и в результате нам на часть шесть галочек поставили, что преступления совершены, но их не осудили, так что потом в командовании 40-й армии говорили: как же так, он (т.е. я), наверное с ними был связан – галочки о совершении преступления получены, а они не осуждены!

По поводу общения с афганцами: общаться с ними не разрешалось, но я все равно общался, и в каждом рейсе были такие случаи общения. Так, один раз случилось следующее – в этом рейсе я не был, там был новый командир батальона, Ярослав Турлай, он потом погиб в Афганистане, через двадцать дней после моего убытия, – в пустыне подорвались две

афганские машины, а в каждой из этих машин был товар на несколько миллионов афгани. Наши бойцы, когда проходили через пустыню – этих раненых афганцев эвакуировали, а машины остались там, – все наши бойцы вооружены были, автоматы, гранаты и так далее – что хочешь, то и делай, за всеми не уследишь, и ребята стали баловаться: стрелять по подорванным машинам, пули попали в бензобак и машины с товаром сгорели, полностью сгорели. И командир мне говорит: был конфликт с кандагарским начальником Хат, службы безопасности Афганистана, его звали Джабар. В следующий рейс ехал я, перед этим встретил Джабара и он мне сказал: послушай, каждую машину несколько, 10-15, афганских семей собираются и покупают, другую – другие 15 семей, и того уже 30 семей получается. В каждой семье, продолжал воспитывать меня этот афганец (он говорил по-русски – где-то в России 3 месяца отучился), по 10 и более детей. Т.е. получается человек 300 эти две машины кормили, и мало того, что люди подорвались – твои солдаты, голодные, оставили этих людей голодать. И он такие слова сказал: этим людям некуда больше деваться, как уйти в моджахеды и бить ваших. Когда вы приехали в Афганистан в 1979 году, как к вам относились афганцы – вы могли ходить везде свободно, и как к вам сейчас, в 1986-м, относятся – вас убивают не только моджахеды, а простые афганцы: из-за вашего поведения, из-за того, как вы к ним относитесь. И я ему сказал тогда: давай Джабар, я живу в Советском Союзе и у нас нет собственности, «камазов» и «Уралов», и пусть твое начальство договорится с моим начальством, чтобы они к следующему рейсу что-то решили о возмещении ущерба. И на следующий день, когда я подъезжаю, Джабар опять меня встречает и говорит: начальству наплевать на это все, оно никогда не договорится, и твои люди – это говорит начальник Хат, правительственной службы безопасности, который был ранен душманами и был на *нашей* стороне, – и твои люди, говорит он, их будут убивать простые афганцы! И действительно, мальчишки проходили вдоль колонны и могли поставить магнитные мины и так далее, и ставили, и погибали люди, и я понимал тогда: если не примешь какого-то решения, то так и будет – нельзя оставлять так, ты отвечаешь за судьбы этих людей. Но есть начальство: что оно подумает – без разницы, и надо сделать так, чтобы оно вообще об этом не подумало. И есть такое место перед Кандагаром – Кучкинахут, и в этом месте хозяином, командиром роты был один старший

лейтенант (он лезгин был). Когда колонна наша проходила, иногда оставалась ночевать на этом месте и часто мы сливали ему солярку, бензин, керосин, боеприпасы оставляли и так далее. И мы с ним мылись у него в бане часто, а тут я ему говорю, Джабар рядом стоит: давай не будем никому говорить, я солью тебе столько бензина и солярки сколько надо, несколько десятков тонн, а ты этой соляркой считаешься с семьями афганцев, которые пострадали... И так и было, и никто об этом не знал, кроме нас. Если бы узнали – сообщили бы особисту, представителю КГБ при батальоне и так далее. Но никто не узнал.

Еще один случай общения с афганцами... Где-то полтора года я тогда прослужил. Добирались до Кандагара трое суток, батальон останавливался – в одном, втором месте – и мы, машины, становились буквой «П». Причем командирские машины становились так, чтобы видно было каждую машину и каждого человека. И никого постороннего, т.е. афганцев, к колонне не подпускали. Я сижу в машине, мы остановились на ночлег, уже вечерело, смотрю – на месторасположении колонны, по центру, пробегают дети афганские, 10-12 лет ребята, и с ними взрослый один афганец. Я их подзываю, спрашиваю, как вы сюда проникли, и этот взрослый, он знал кое-что по-русски, начинает мне рассказывать, что дети приносили в колонну (взрослые их посылали) часы продать, зажигалки, сигареты, фонарики и т.д., и у них этот товар отняли твои солдаты. А им, этим афганским детям, деньги надо возвращать, а все отняли твои солдаты. Я строю весь батальон, это почти 400 человек, и говорю: кто у них отнял фонарики, зажигалки? – Все молчат. Я говорю: если завтра кто-то подорвется, кто-то из этих детей подложит мину, те люди тоже не вернутся живыми... И, построив батальон, я сказал этим детям: найдите тех людей, кто отнял у вас зажигалки и т.д. – и дети нашли: четыре человека азербайджанца и один лакец, единственный дагестанец, кто был в моем батальоне. Причем он учился на втором курсе мединститута, когда его призвали в армию. И так как он дагестанец – а я из Дагестана тоже, – я сказал ему с самого начала: ты должен вести себя так, чтобы когда я вернусь, если я вернусь, мне не пришлось говорить твоей маме какие-то слова соболезнования... Я оставил этих людей, четырех азербайджанцев

и лакца (а они не признаются!) и говорю им: если какая-то машина будет подорвана – и вы не вернетесь живыми... А так как обо мне шла дурная слава, после того случая со сломанной челюстью – эта выходка стоила мне дорого, но зато после мне не приходилось выходить из машины, чтобы объяснить что-то: с полуслова всё понимали... И вот потом подходят ко мне азербайджанцы и говорят мне, что все эти зажигалки, деньги за них забрал этот парень-лакец – «ваш земляк», говорят. Я же говорю им: знаете что, мне не важно, кто забрал, мне нужно, чтобы их отдали этим детям, вернули их... И их вернули, а к этому человеку, своему земляку, я больше не подходил.

Хочется еще рассказать о взаимоотношениях между своими. За те два года, что я был в Афганистане, я почти не думал о моджахедах – они стреляли, могли убить, но о них я почти не думал, потому что мои люди могли совершить что угодно, и мне надо было смотреть за своими людьми, чтобы, не дай бог, они что-то нехорошее не совершили... Наш батальон стоял в Шинданте, почта приходила самолетами, я получал письма из дома на четвертый день после отправки – так быстро, как в Афганистане, на Дальнем Востоке я письма не получал. А многие солдаты находились на точках, куда вертолет прилетал, в лучшем случае, раз в месяц и привозил почту. И я сказал своим солдатам из колонны: когда вы проезжаете точки, вы берите у солдат письма и наш почтальон их донесет до почты, и так и происходило. И вдруг наш особист мне говорит: ты должен снять почтальона. Я спрашиваю: а что он совершил? – Он не говорит что. Командир мне сообщил, что особист сказал снять почтальона, потому что в письмах нашли деньги какие-то. А почтальон не вскрывал письма – особист сказал ему вскрывать, а он не вскрывал, сославшись на меня: Измайлов сказал не вскрывать письма и я не вскрываю, я подчиняюсь ему. Вот особист хотел снять этого солдатика с почты, а солдатик этот страдал моченедержанием, еще какой-то болезнью, поэтому-то я его на почту и определил, чтобы он в рейс не ездил. А получение почты была самая большая радость в Афганистане... И командир тогда не пошел на это, сказал, что почтой занимается замкомбата. Командиром был Ярослав Турлай. Как он погиб – его вызвали на совещание в Пули-Хумри, он долетел до

Кабула, в Кабуле самолет поднялся и был сбит..., столкнулся со своим же самолетом. Все, кто находился в самолете – погибли, и погиб он. Я об этом узнал, когда уже находился в Прибалтийском округе, вернувшись из Афганистана, что он погиб. А у него было двое детей тогда, в 86-м, сыну 7 лет и девочке 10, и он постоянно показывал мне их фотографии, сам он был из Белгород-Днестровского с Украины... Вообще он был такой душевный человек – когда я возвращался из отпуска, он так радовался, говорил: хорошо, что ты приехал, нам вдвоем с этими трудностями легче будет разобраться!.. А в самом конце моего пребывания в Афганистане, за несколько дней до моего отъезда, был такой случай, что обнаруживали деформированные снаряды, и наш инженер не хотел их взрывать (боялся или что-то), и я за это дело взялся, но не посмотрел в инструкцию, что их надо было взрывать по одному, и взорвал сразу 24 снаряда... Крыши с домов поносило, стекла в магазине повывивало и командир бригады вызвал меня и командира батальона и сказал: все вставить и т.д. Винават был я и мне сказали: ну как это возможно, ведь ты же не специалист! – а я ответил: инженер не стал, вот мне и пришлось... Вставляли мы стекла вместе с солдатами и это была наша последняя встреча в Афганистане и вообще последняя встреча... Я его хорошо помню...

И последняя деталь, которую не могу не рассказать. Один офицер – капитан, командир роты, он был в моей бригаде, но не в моем батальоне – был очень требователен к своим солдатам, и солдатики (люди были разными, очень разными) хотели от него избавиться, подкладывали ему в пищу рвоту больных гепатитом, тифом, и он в конце концов заболел, попал в госпиталь. Вот такое тоже было...

И самое последнее, что хотел бы сказать – это женщины в Афганистане. Они попадали по-разному в Афганистан, и отношение к ним тоже было разное...

Они служили врачами, медработниками в госпиталях, продавщицами в магазинчиках при воинских частях и т.д. Некоторые, возможно, по блату попадали, потому что в Афганистане платили больше денег, чем в России. В основном женщины были молодые, до 30 лет, и отношение к ним было разное... Я помню, как провожали кого-то – женщина, прослужившая в Афганистане два года, должна была уез-

жать. И кто-то из офицеров – не из солдат, но офицеров – был недоволен ей и в ее сумочку подложил гранату, и когда на таможне ее проверяли у нее, конечно, возникли проблемы – она, получается ввозила гранату...

И еще одно, был такой замкомандира бригады по тылу, полковник, и он как бы определял, кому из женщин с кем жить. И приехала одна с Украины – она мне рассказывала – и этот замкомандира по тылу ей сказал: если будешь хорошо себя вести – будешь в отдельной комнате, а если плохо – то в общей, где 5-6 человек женщин. Вот в такое положение она попала. И еще он ей сказал: будешь жить с врачом бригады. А у врача бригады, ему было лет 40, у него была такая гусиная кожа на теле, на горле... А ей было лет 25 и она понравилась одному прапорщику, азербайджанцу, – его фамилия была Гусейнов (потом он мне звонил в газету, но мы так и не встретились). И когда они решили пожениться, то брак надо было зарегистрировать или в Кабуле, а Кабул находился далеко от Пули-Хумри, или в Мазари-Шарифе, который был ближе, но там, хотя было советское консульство, не было советских войск. И меня Гусейнов спрашивает: что мне делать? И я (а мне после получения взыскания было абсолютно все равно, и как-то стало легче даже) дал ему несколько бэтэров, и он на этих бэтэрах поехал регистрировать свой брак. Все, слава богу, прошло хорошо, они зарегистрировали свой брак и невредимыми вернулись. В части их свадьбу справляли как безалкогольную – был 86-й год, шла горбачевская антиалкогольная кампания... А в тормозную систему «камазов» зимой наливали до 200 граммов спирта (причем не технического, а именно питьевого), но он в тормозную систему, конечно, почти не шел – его по-другому употребляли, в том числе и на их свадьбе: на столах стояли обычные чайнички, но в них был спирт.

Случаев было очень много, но что от Афганистана во мне осталось – то, что все это, самые безнадежные ситуации, переносили молодые ребята, 18-19-летние солдаты... Была ситуация в таком месте, оно называлось Черная Гора. Был февраль 1986 года, пришло молодое пополнение (а в Афганистане менялись не в мае и ноябре, но с запозданием на три месяца, приходившиеся на учебку, – в феврале и в августе; и получалось, что солдатики служили больше – 2 года

и 3 месяца). Старослужащие уходили и пришла молодежь – молодежь неопытная: в учебках она больше подметала, чем занималась вождением. Никакие душманы, чтоб с ними покончить были не нужны – они сами в рейсах срывались в пропасть и прочее. И с этими молодыми солдатами я пошел в рейс в феврале и потерял колонну на этой Черной Горе – всех потерял на перевале. Останавливаюсь после перевала, в конце Черной Горы, – кругом никого и тьма. И я вынужден был отправиться в ночь, хотя мы должны были ехать только днем, потому что я на перевале потерял колонну. И где бойцы? – Они остановились на перевале и спали в машинах, и им было наплевать на душманов, что их обстреляют, – им было все равно. Мне пришлось обходить, будить их поодиночке, выводить дальше, и когда мы собрались все (это уже было в Дилораме, такое место ниже), когда мне удалось собрать колонну, я по головам считал своих солдат ночью, все ли на месте...

Нагрузка физическая в рейсах была чрезвычайно сильная и я потерял многих людей. Но как вел себя Володя Мотыхляев, другие ребята – все это осталось в памяти. Кому-то это не досталось, а кому-то – моим литовцам, латышам, мой командир батальона погиб в Афганистане – выпало по полной, и они через это прошли. А они были просто нормальными людьми, были нормальные советские люди.

ГАУПТВАХТА В ГЕРМАНИИ

После Афганистана я попал в Эстонию, а потом в Германию. Уже в Германии был такой случай, когда я вспомнил Афганистан. Я только попал в Германию, это были буквально первые дни. У меня был артиллерийский дивизион, как-то я проверяю людей, мне говорят: этот там-то, этот там-то, этот на гауптвахте находится. И я никак не могу собрать, уже неделю находясь в Германии, всех людей – и решил проверить того, кто находился на гауптвахте (это был сержант, он был с Украины). За что он туда сел? Мне сказали: этот сержант, в учебке он уже отслужил полгода, офицеры ему наказали в казарме навести порядок – а старослужащие его не слушаются, он им говорит, а они его не слушаются, и даже издеваются над ним, над сержантом. И в конце концов – издевались, избивали, не слушались, – в конце концов этот солдатик-сержант сбежал, и три дня весь полк (а это почти 2000 человек) не спал, его искал. И поэтому, говорят мне, он находится на гауптвахте. И я пошел на гауптвахту, мне открыли камеру, и когда он вышел, я посмотрел на этого солдата – мне в лицо смотрела смерть, он был настолько исхудавший. Я спросил: тебя кормят здесь? А как они его кормили – приносили еду для караульных и давали что-то ему. При этом говорили: тебе полминуты, что не съедаешь – то забираем. И он, конечно, не успевал... А на гауптвахте он к тому времени находился в общей сложности месяц, вопреки всем правилам – такого права никому, никакому командиру, не дано, чтобы непрерывно держать человека месяц на гауптвахте. Командир дивизии мог объявить лишь 10 суток гауптвахты, комполка – 7. После этого срока солдат должен быть возвращен в казарму до следующей возможной провинности. А этому солдатику писали командиры, что он освобожден и снова посажен, хотя его на гауптвахте держали месяц безвылазно... Когда я на него посмотрел – на меня глядела смерть, он не мог говорить. В его лице я увидел тех

ребят, что погибли в Афганистане. Я ему сказал: потерпи несколько часов, я иду к замполиту полка (он в общем-то был хороший человек, его фамилия была Ивченко). Сам я был заместителем командира дивизиона, иду к нему и говорю: я сегодня видел солдата, моего солдата, который, если его сейчас не отпустят с гауптвахты, то до вечера он не доживет, умрет. Ивченко мне отвечает: а ты знаешь, как он попал туда? Знаешь что мы его месяц назад трое суток всем полком вслепую искали? – А Германия (ГДР) было тогда «привилегированное» место службы (я получал там больше, чем президент страны, Горбачев тогда не получал столько (больше 1000 западных марок в месяц)) и служившим там в случае чего как бы грозили: мы вас отправим в Союз! – как если бы это было наказание. Я тогда беру бумагу и для Ивченко (он меня спросил) пишу, что я гарантирую, беру на себя ответственность, что этот солдат никуда не убежит. Тогда он говорит, ладно, раз ты отвечаешь – забирай его. Я забрал солдата с гауптвахты, привел в казарму, в туалетную комнату, где умывальники, говорю ему: помойся – он был весь в грязи, месяц не мылся. Ему принесли полотенца... Я стою над ним... и первый раз заплакал, хотя в Афганистане никогда не плакал, ни при каких обстоятельствах, – когда он стал мыться, он был такой истощенный, у него задрожали руки, и он не мог мыться. Я попросил прапорщика, чтобы он его помыл, потом его отправили в госпиталь. А заместителя командира госпиталя я хорошо знал по Союзу – мы вместе служили в Эстонии – и он мне говорит: какие звери у вас там в полку! Солдата довели до такого состояния, что он если не сегодня, так завтра умрет! Но он выжил, и я попросил его оставить у себя, каким-то кочегаром, чтобы не возвращать его в полк.

Вот этот случай службы в «привилегированной» части напомнил мне о тех ребятах, что были в Афганистане, что погибли в Афганистане... А ведь это был особый полк, который отвечал за проведение праздничных салютов по всей ГДР, на 9 Мая и т.д., один из лучших полков в Германии, и вот в этом полку так относились к этому солдату...

Эти годы моей службы в Афганистане (85-87), Эстонии (87-89), Германии (с 89-го по конец 91-го, когда стали выводить войска) как раз пришлось на перестройку. И в моей эстонской дивизии, в которой я служил, была как бы «демократия». В марте месяце 89-го были выборы в демократический Верховный Совет СССР, и в нашем батальо-

не были выборы, а в нем было много эстонцев, литовцев, латышей и они голосовали не за рекомендованных партийных (а по Эстонии шел начальник КГБ, он сам был эстонец, но даже языка не знал), а проголосовали за научного какого-то работника, который был демократически настроен. И когда после Эстонии я попал в Германию – казалось бы, она должна была быть еще демократичнее, чем Эстония, но на деле на порядок уступала ей в этом плане. Вообще отношение к солдатам, офицерам в ЗГВ было жесткое, в Эстонии оно было демократическим, более демократическим. И я с этой демократии попал как бы во вчерашний день, во вчерашний день Советского Союза.

PS: Был ли такой момент, когда я почувствовал, что Советский Союз кончится? – Никогда такого не было: ни когда в Афганистане я служил, ни в Эстонии, ни в Германии я этого не осознавал. Единственное, в Германии, в 89-91-ом, я понимал, что здесь мы живем лучше, чем те же офицеры и простые гражданские люди в Советском Союзе.

Были ли среди афганцев такие люди, которые искренне надеялись на помощь Советского Союза? – Были среди афганцев такие люди. Был у меня такой эпизод в Афганистане (когда я ездил старшим колонны, я был хуже зверя для своих солдат, т. е. если какой-нибудь солдат меня не слушается – я готов был его растерзать, разорвать; т.е. отношение к своим было гораздо жестче, чем к афганцам, к которым вообще было нормальное отношение), я не поехал в один рейс (поехал секретарь партийной организации батальона, Саламбек), а в нем солдатик из колонны продал на сторону порядка пятидесяти тонн солярки и на этого солдата возбудили уголовное дело. Я разговаривал с этим солдатом, когда он вернулся, – солдат так поступил от безнаказанности, вседозволенности, потому что такая была организация в колонне, я это понимал и командир это понимал. Я сказал командиру: я в следующий рейс поеду, с афганцами, которые купили эту солярку поговорю. И я в следующем рейсе был там, был у них на заправке, и мне афганец, который шесть лет проучился в Союзе, в политехническом институте, чисто он владел русским языком, он мне говорит: ты знаешь, тебе солярку все равно не

вернут, ты добьешься только одного, что этому, который купил солярку у русского солдата, ему отрежут голову, а солярку ты все равно не вернешь... И из общения с Джабаром, с другими афганцами, с этим парнем из политехнического, я чувствовал, что те, кто побывал в Советском Союзе, они хорошо к нему относились и хотели вернуться... Когда убили Наджибуллу, помните, его в 1993 году повесили, – он в последнее время находился в Кабуле на территории ООНовского городка, – это было большее ощущение в Афганистане... И вот в 1989 году, 15 февраля, наши войска выходят из Афганистана, а многие же афганские люди действительно нас поддерживали, были с нами, у них семьи, мало того, что они сами оставались один на один с теми, кто им противостоял, так еще их семьи оказывались в этом положении, – и они говорили (и я готов подписаться под этими словами): ну ладно, не берите нас, но возьмите хотя бы наши семьи, наших детей!.. И многие из них потом погибли в Афганистане, были убиты, т.е. мы их втянули в это, а потом бросили. Мы их бросили... И когда говорят «Сталин живет в нас» – вот это отношение, пусть ко многим из них у нас оно было сочувственным, пусть сочувствие, но мы уезжали в Советский Союз, а они, кто поддерживал нас, был с нами, оставались там и многим предстояло погибнуть...

Как я отношусь к современной войне американцев в Афганистане? – Конечно, я о многом судить не могу, потому что я не там, а здесь, но в 2001 году, когда началась эта кампания, я от «Новой газеты» поехал через Таджикистан в Афганистан. И я увидел тогда ту же картину, которую видел 15 лет назад, т. е. афганцы за оплату готовы были сопровождать и помогать в чем-то... Тогда, перед этой поездкой я написал открытое письмо Бушу, что вы столкнетесь с тем, с чем имели дело мы, но фактически их ситуация оказалась даже худшей – ведь в наше время не было тех же шахидов, подрывающих себя вместе с другими. Такого, чтобы в таком количестве погибали гражданские люди, – этого не было при нас, хотя их боевые потери за те же девять лет с 2001 года (мы были в Афганистане тоже девять лет и потеряли 15 тысяч) у них, у

всей коалиции, также из англичан, немцев, даже грузин, намного меньше – не более тысячи всего...

Не могу сказать, сохранилась ли в Афганистане при американцах такая странная вещь, как «договорные зоны», что были там в советское время. Эти так называемые «договорные зоны», где моджахеды и наши не обстреливали друг друга... Допустим, я знал такую километровую полосу в пустыне под Кандагаром – внизу спокойно отдыхает-обедает наша колонна, а тут же на возвышенности чуть в отдалении мог расположиться отряд моджахедов, – наверное, были и другие. Кто как договорился – дипломаты ли, военные ли – не знаю... Но за все два года, что я был в Афганистане, эта договоренность сохранялась: сотня метров вперед-назад – уже стреляют, как «по бегущему кабану», а здесь – нет, как в «зоне отдыха».

Об этом афганском сюжете «зоны отдыха» как раз вспоминаешь, когда задумаешься о «безоблачном небе» над сегодняшней Чечней. Как так получается: в Дагестане – взрывают, в Ингушетии, в Кабардино-Балкарии – стреляют, а здесь – мир и покой! Хоть стой, хоть падай...

Относительно же того общего и разного, что я видел между боевыми действиями в Афганистане и Чечне... Вот, тот же Хаттаб завез в Чечню еще афганскую тактику: подбивается первая и последняя машины колонны, а потом спокойно расстреливаются остальные. Так было в 1987, когда колонна Прибалтийского батальона подполковника Кретинина (все новенькие «Уралы»), буквально на несколько часов обогнавшая мою колонну более тихоходных «камазов», попала в засаду у Черной горы и вся была уничтожена. И то же самое в апреле 96-го произошло с 76 солдатами колонны 245 полка на дороге Ярыш-Марды–Дачу-Борзой... А разница была видна в подрывной тактике: в Афганистане в основном ставились итальянские мины в пластиковом корпусе (на обочинах, в разломах бетонки), в Чечне же – радиоуправляемые (причем, на деревьях и столбах – для поражения десанта на БМП (Ваха Арсанов на этом в основном специализировался))

ВОЕНКОМАТ И ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ «НОВОЙ»

После службы в Германии, в ЗГВ, я попал в Жуковский военкомат. Это был уже постсоветский период, девяносто второй год. И там я почувствовал различие – те и те носят погоны, но различие в чем: в том, что в войсках с этими ребятами, с ребятами, которых призвали больными, в войсках с ними проблемы везде – и в Афганистане тоже. Ведь и в Афганистане были больные психически и страдающие моче-недержанием и так далее и так далее. Я увидел эту проблему в военкомате. Призывают всех ради того, чтобы выполнить план. И я сразу сказал себе... да, у меня семья была, жена и дочка, я вынужден был заниматься этим... Но я сразу поставил себя с первого же дня, что вот это – я, вот это – другие офицеры, вот это – военкомат. С первого дня я себя поставил так. Когда я увидел, как офицер кричит на женщину, на мать, я сразу поставил себя в такое положение, что это – я, это – другие офицеры. И я женщинам, членам врачебной комиссии, говорил: «Если вы этих людей призовете, вы понесете уголовную ответственность. Это больные ребята, их нужно обследовать». У многих женщин в военкомате, врачей, тоже были свои дети, они о своих детях беспокоились, и даже если эти дети не обучались в институте, они все равно им делали каким-то образом отсрочки от армии. О своих детях, как и те, беспокоились, а к другим было такое отношение, что даже больных можно призвать. Если начальник скажет свое слово.

И я так относился к каждой женщине, но в военкомат в тот год, в первый год для меня, пришла одна женщина, Валентина Тихомирова, ей было 54 года тогда. У нее был сын призывник. И она прямо мне сказала, а «что нужно сделать, чтобы он не пошел в армию?». Я сказал: «В вашей ситуации нужно развестись, пусть формально развестись, и год ему продержаться, пока вам не исполнится 55 лет, тогда

он не должен будет служить, потому что вы будете пенсионерка по возрасту». – Я говорил это открыто, то есть все слышали, все военкоматовские офицеры и работники. А Валентина Тихомирова рассказала мне, что она 25 лет проработала в «Комсомольской правде», а сейчас работает в «Новой газете» («НГ»). И так я с ней познакомился. А через несколько лет, Валентина Тихомирова снова пришла. Тогда началась чеченская война, это 94-95 год. Я как раз тогда начал писать в местные газеты о своем отношении к этой войне. Мало того, что я был не согласен с тем, как призывают призывников, с какой болью и проблемами сталкиваются их матери, еще добавилась эта война в Чечне. И 1 января 95-го года погиб тот призывник, которого я лично призывал, по имени Голенко. Я сказал себе: «В этом преступлении я не должен участвовать. Это преступление – война в Чечне, призыв, проходит через мои руки. Пусть я не согласен, но это проходит через мои руки. Не должно этого быть». В общем, я поставил себе целью – уволиться из армии (к этому времени у меня был стаж более 20 лет), и я поставил себе целью не призывать. Я не мог больше призывать. После того, как Пашу Голенко похоронили, после того как те ребята, которые его привезли, лейтенант и старший лейтенант – в Сокольниках находится бригада спецназ, или полк спецназ, они были именно оттуда, они привезли Пашу Голенко, труп, они жили у меня дома эти ребята. Я сказал, что преступление, я совершаю преступление, что этих ребят призываю, и я начал брать... по десять дней можно было, кроме отпуска своего обычного, десять дней можно было брать по семейным обстоятельствам. Бесконечно, сколько угодно. И в очередной раз я взял эти десять дней, когда пришла ко мне Валентина Тихомирова. И она мне сказала – я писал статьи в местные газеты, которые выходят в Жуковском, «Современник» и «Жуковские вести», где-то в общей сложности 8 материалов я опубликовал, – и она сказала: «Я читала вашу последнюю статью. Напишите для нас. Для «Новой газеты». Специально – я же не журналист, я был военный – специально для них я не писал, но один мой материал был опубликован в «Новой». Я даже не знал толком. И Валентина Тихомирова попросила меня, чтобы я дал интервью обозревателю «Новой», которая одна из самых лучших журналистов. И тогда мы встретились на квартире у Валентины Тихомировой – как говорится, пусть земля ей будет пухом, до последнего я ходил к ней, она была больна, она умерла в 2004 году осенью, – вот она меня познакомила на

своей квартире с Зоей Ерошок. Мы проговорили с ней, наверное, целый вечер, часов пять, и вышла в «Новой» эта Зоина статья, интервью, и все то, что было написано, действительно, я мог бы под этим подписаться. Все говорил я, но заголовок придумала редакция.

Фактически, он был правильный. Называлась эта статья: «Не хочу призывать в эту армию». То есть я, человек, который занимается призывом, майор Измайлов, не хочу призывать в эту армию – а сам занимаюсь призывом! И после этого меня вызвали в областной военкомат, здесь на «Площади Революции» он находится, вызвали и так демократично стали ставить на место. Не так чтобы «А! Мы тебя уволим». А просто «не хочешь заниматься призывом – ну, занимайся обработкой. Ну, не хочешь вообще работать в военкомате – занимайся бизнесом, и так далее». Вот так демократично, не повышая голос, в присутствии людей, которых я знал, которые мне были близки, меня стали ставить на место...

Я не собирался ехать в Чечню. Я не хотел – я хотел на пенсию уйти: по организационно-штатным мероприятиям, потому что мне не было к тому в времени сорока пяти лет, было только сорок, но выслуга уже была около 25 лет. Я хотел уйти на пенсию и заниматься чем-то другим. (Поэтому, не спрашивая разрешения, я учился в институте Международного права и экономики на юридическом факультете, чтобы получить другую специальность, – на юриста учился. И оставалось полгода, чтобы защитить дипломную работу.) И я не собирался ехать в Чечню, повторяю. Не собирался. А тут меня так демократично ставят на место – ты сказал «А», ты должен сказать «Б»... Я сказал на это: «Отправьте меня туда, куда отправляют моих призывников». И за это как бы руководство ухватилось, и они сказали: да, мы готовы – и сразу по-другому стали разговаривать, «мы дадим тебе на выбор даже выбрать. Вот, ты должен прийти в штаб Московского военного округа».

Ну, я пришел в штаб, тот человек, который был должен меня отправить в Чечню, он в этот момент говорил по телефону, и он говорил, повышая голос – я до сих пор помню эти слова, кому он их говорил: «Ну, не хочет он в Чечню ехать, ну, увольняй его из армии!» Так кричал он. А я, получается, хотел. И он мне сказал: «Вот, выбирай часть. На полгода ты поедешь». Так он мне сказал, хотя фактически я должен был там пробыть два года, в Чечне. То есть обманывали всех – и обманывали меня тоже. И я запланировал, что на полгода, а оказывается меня посылали на два года. И год я пробыл в

Чечне – не два года, потому что после захода боевиков в августе месяце 96-го года в Грозный мы в декабре месяце оттуда вышли. Вот так я попал в Чечню, поводом как бы послужила Зоина статья «Не хочу призывать в эту армию». И “НГ”, я повторяю “НГ”, и редакция “НГ”, она чувствовала свою вину, что я попал в Чечню из-за той публикации. Они такой заголовок придумали. Но я не чувствовал эту вину, я знал, что я должен был сказать «Б», помогла мне в этом «Новая» – сказать «Б».

И еще один момент. После того, как я дал интервью Зое, позвонил – я уже должен был отправляться в Чечню, – позвонил Александр Любимов из программы «Взгляд» мне домой и сказал, «Вячеслав Яковлевич, а вы не могли бы выступить в программе «Взгляд». Я сказал, что вообще-то готов, но дело в том, что если я выступлю, поймут не только слушатели, не только зрители, но и поймет мое начальство, зачем я еду в Чечню. – Я не ехал туда убивать. Я четко знал, для чего я еду в Чечню. И я сказал Саше: «Я три месяца прослужу в Чечне, после этого я готов дать любое интервью, а сейчас – не готов». Но через день Саша позвонил снова и сказал: «Вячеслав Яковлевич, но все-таки выступите в программе «Взгляд». Я сказал: «Ну, не могу я сейчас. Через три месяца». И тогда Саша позвонил на третий раз и снова сказал: «Ну, выступите!» Этот третий звонок был где-то 23 октября, и 24 октября я выступил...

Саша сказал такие слова – почему я согласился – он сказал: «Гарантии генерала армии Владимира Семенова (а это был главнокомандующий сухопутными войсками) вам подойдут? – Вы на 100% отправитесь в Чечню». И я сказал: «Да». И после этого я согласился принять участие в программе «Взгляд». И действительно, 24 октября я выступил в программе «Взгляд». 24-е – это пятница 95-го года, а 27-е октября был понедельник, и 27-го числа был приказ генерала армии Семенова, главнокомандующего сухопутными войсками, о направлении меня в Чечню. То есть Саша выполнил свои слова. И тогда, я помню..., в том выступлении в программе «Взгляд», я привел такой пример, тогда на рынке Грозного расстреляли каких-то контрактников, каких-то солдат, и я сказал такие слова: «Видите ли, нельзя вести себя так, в том числе на рынке, как завоеватели. Нельзя ходить и как завоеватель что-то брать бесплатно с прилавка. А была

именно такая ситуация, я знаю, и кто-то увидел, и тот человек расстрелял этих бойцов. Надо вести себя по-человечески, тем более мы находимся в своей стране. В Афганистане даже так не вели!»

В Афганистане же был такой случай. Когда была ураза и нельзя было есть, а две русские женщины в военной форме шли по Кабулу и ели мороженое. И солдат, не душман, как мы называем, а солдат, который стоял на посту, афганец, который был, так сказать.... На нас работал. Он расстрелял этих женщин. Почему? Потому что они в пост мусульманский ели мороженое. Среди бела дня, когда нельзя было днем есть. Надо уважать законы страны, в которой ты находишься. Но это было в Афганистане. Это была другая страна. А в своей стране – тем более, в Чечне нельзя было вести себя как завоеватели! И раз мне предстояло ехать в Чечню, я должен был всеми своими действиями, всей своей работой показать этим солдатам и офицерам, как надо вести себя в Чечне. Мой лучший друг был из Чечни. Я его потерял, потом я нашел его. Я дружу с его братьями, сестрами. С его отцом, пока жива была – и с его матерью, отец сейчас тоже умер. Я дружил со всеми. Со всем их родом. Более того, я скажу, что сейчас моего друга нет, он умер в 2004 году, он 18 лет прожил без почек, на диализе, а его старший брат, я сейчас сужусь с Кадыровым, Кадыров подавал на меня в суд по уголовному делу – на меня и на Людмилу Алексееву – вот моим адвокатом был чеченец, который защищал меня бесплатно. Я ничего ему не платил. Это родной брат моего друга.

То есть я должен был научить, как себя нужно вести. И рязанским парням, и другим ребятам, которые не видели Чечню, которые, находясь в Чечне, видели боевиков только по телевизору. Месяц-два-три, даже год и более находясь в Чечне. Я должен был научить. Вот это была моя цель. Конечно, я считал, что рано или поздно – рано, скорей всего, – мою позицию разоблачат. Сначала, может, я буду выглядеть в глазах людей ничего, хорошим, а через три месяца... ну, максимум я давал себе полгода. Но меня и отправляют туда как бы на полгода. В общем, я продержался там год – именно продержался. Квашнин был тогда командующим Северо-Кавказским военным округом (после этого он стал начальником генерального штаба), так он, выступая перед личным составом и офицерами, бригадой, говорил обо мне: «Такой майор нам не нужен»... Через год меня откомандировали – через год, когда фактически война уже кончилась

в Чечне, наши войска должны были выходить из Чечни – в Московский военный округ, откуда я прибыл. Как бы сделали мне плохо, а получилось хорошо. Вот так. И вот так вот я попал в Чечню, благодаря «Новой газете». И что бы ни говорили, я благодарен «НГ» за такое участие в моей судьбе.

ДО КОМИССИИ

Специально я не занимался заложниками, не было поставлено передо мной такой задачи. Я скажу, в Чечне (по службе) я был с ноября 95-го по конец декабря 96-го... Тогда передо мной не стояла задача освобождения заложников. Было много других проблем. Но, во-первых, когда приезжали журналисты, меня и генералы, и офицеры, которые находились в Чечне, они связывали с журналистикой. Что этот человек имеет какие-то связи большие, и очень опасно его трогать. Я такое убеждение, или предубеждение, никогда не разоблачал, никогда не говорил, что «нет-нет-нет» Дело в том, что эта позиция – какое-то время – она мне помогала. Например, командир 205-й бригады, генерал Назаров (он сейчас в Приволжском военном округе, зам. командующего), он через полгода, это было в апреле месяце, он мне говорил о том, что «так нельзя», что я «не должен себя так вести». Я «неправильно» себя веду! – и я тогда на его слова отвечал ему тем же, на каждый его поставленный вопрос я мог дать ответ, на любой, даже на тот, который он еще не задавал, а только подумал. В конце концов, не зная, как меня поставить на место, он говорил мне: «Измайлов, дай походить генералом!» Такие слова...

Я шел в Чечню еще с другой позиции – ведь ты можешь стать жертвой и со стороны своих, и со стороны боевиков. Но я шел туда с такой позиции, что я не собирался стать жертвой ни с чьей стороны, я вел себя так уверенно. (Есть такая наука виктимология (от английского *victim*), наука о жертвах преступлений. Почему преступник выбирает ту жертву, а не иную. Какие-то книги по ней, Ламброзо, советского психолога Леви, я и читал в этой перспективе: как не стать *жертвой*.)

С ноября месяца 95-го года я находился в Чечне, а первого заложника я освободил в апреле 96-го года. Но это не

было связано с моей работой по освобождению заложников. 31 марта – Ельцин, президент России, 31 марта 96-го года, выступил по телевизору и сказал: «С 1 апреля в Чечне наступает мир». (Не сказал, правда, с какого часа, вот, и с какой минуты.) И сказал такие слова, как будто бы он – Президент всех, и наших военных, и боевиков. Но воевать-то продолжали – и 1-го, и 2-го, и 3-го. И более того, 205-я бригада, в которой я служил офицером управления, она отвечала за 23 населенных пункта Грозненского сельского района. За сам город Грозный отвечала 101-я бригада внутренних войск, а 205-я бригада отвечала за населенные пункты вокруг Грозного – за Грозненский сельский район. И с 1 апреля, командование бригадой должно было подписывать с этими населенными пунктами договор. По этим договорам мы должны были проводить разминирование. Конечно, не стрелять по ним. А население этих сел, этого района, Грозненского сельского, не должно было допускать боевиков, как будто это было... Это были смешные договоры, которые ничего не значили. Как будто бы боевики спрашивали у местного населения, заходить ли в село или не заходить! И что им делать. То есть 1-го числа мы с ними подписали договор с этими селами, а 4-го числа село Пригородное, которое находится в 4 километрах от Ханкалы, мы обстреляли! Мы стреляли по другому населенному пункту, как бы война там не закончилась – по словам Ельцина, – по Гойскому, но три снаряда «Ураган» оказались деформированы, они не полетели в Гойское, а так сказать «плюнули» в близлежащее село Пригородное, в 4 километрах от Ханкалы. Хорошо, что люди не были убиты... 18-летняя девушка была ранена, был убит скот, повывлетали стекла из домов, крыши и так далее и так далее.

И вот глава администрации этого села Пригородное, председатель (Батукаев), и глава администрации Грозненского сельского района (Бекмирзаев), они приехали в наш аэродром Северный, где находился штаб бригады, на другом конце Ханкалы: «Как же так? Вы 1-го числа подписали договор, а 4-го нас обстреляли! И люди нас просто выгнали!» Командование вызвало меня (видимо, никого лучше рядом не нашлось), проинструктировало, что «это не наши снаряды», что «прилетели они из Азербайджана или из космоса», дали особиста для уверенности, бэтээр и группу солдат и отправили объясняться в село.

Я сел в «Жигули» с Батукаевым и Бекмирзаевым – бэтээр поехал за нами. Пока ехали в село – мы говорили.

И Батукаев узнал меня по этим телепередачам «Взгляда» (Любимов приезжал и в Чечню, чтобы снимать меня – что усиливало до небес мою ауру, хоть ничем не занимайся!).

На подъезде к селу я сказал особисту и другим: «Вы оставайтесь здесь», – а сам пошел с чеченцами в село. У меня был пистолет, больше ничего.

На площади собрались в основном женщины, дети, старики (взрослых мужчин я особо не видел) и они кричали мне свои обиды. Я сказал им: успокойтесь, напишите материальные претензии, я составлю акт и представлю в прокуратуру. И все стали писать (даже те, кто не пострадал). Глава администрации мне не понадобился – я успокоил всех, собрал у них объяснительные. Уходя, посмотрел маркировку на осколках снарядов, определил, что это были наши «Ураганы» (тот же самый «град», но более современный и в несколько раз больше: вместо сорока стволов – четыре). И когда я уже покидал село, Батукаев мне говорит: «Ты к нам с добром пришел, не отнекивался, не запирался, и мы тебе обязаны ответить добром... Вчера по нашему селу шел солдат внутренних войск 101-й бригады. В одной руке он держал бутылку водки, в другой – автомат. Он пил и стрелял. Здесь дети бегают, а он стреляет! И мы этого солдата поймали, и мы бы его закопали, но так как ты с добром к нам пришел – мы отдаем его тебе». Это был первый освобожденный мною военнослужащий (а в придачу к нему мне отдали и его автомат), звали его Алексей Магер, он был из Тюменской области. С тех пор я его не видел, но слышал на одной встрече с комитетом солдатских матерей (от сибирского их представителя), что этот Алексей Магер ходит там у себя по селу и всем рассказывает, как он героически воевал в Чечне...

Что я сделал, когда приехал в бригаду: я написал от имени комбрига, генерала Назарова, генералу Тихомирову, командующему группировкой, что снаряды, упавшие на село Пригородное, были действительно выпущены нашим дивизионом, находящимся на Ханкале. Я сделал 5 экземпляров этого рапорта (все – подлинники!): один экземпляр я отдал в свою часть, чтобы отправили по почте Тихомирову (из Грозного в Грозный), один оставил себе (и впоследствии опубликовал в «Новой»), один отдал в военную прокуратуру и два экземпляра отдал Батукаеву, один – чтобы показать людям этот рапорт, а с другим обратиться в прокуратуру.

Впоследствии я узнал, что экземпляр, посланный Тихомирову через строевую часть, к нему не попал. (После

этого, в конце апреля, я и опубликовал этот рапорт в «Новой газете»).

Те съемки, что делал со мной Любимов, – они спасли меня, в частности, во время августовских событий 96-го года, когда бригада, в которой я тогда был (а я был прикомандирован к разведбатальону), блокировала возможность прорыва боевиков из Старопромысловского района Грозного (район республиканского ГАИ) в аэропорт Северный. Тогда по просьбе командира разведбата и офицера ФСБ я ездил к боевикам, которых до этого видел только по телевизору. Я должен был договориться, чтобы они отдали тех убитых, раненых солдат, что находились у них. И еще, по их идее, я должен был попытаться среди бела дня вывезти раненых из ГУОШ (главное управление оперативных штабов МВД России – потери они несли от боевиков только когда в туалет ходили), что находился в 500 метрах от республиканского ГАИ, где был расположен разведбат. Причем с улыбкой ко мне командир разведбата и офицер ФСБ обращаются: ну, к вам боевики хорошо относятся (а я их вообще не знаю! только по телевизору и видел! и это они меня к ним посылают!), если Вы без головного убора будете – стрелять они в Вас не станут. Но действительно, я поехал в ГУОШ, сидел на бэтээре, сверху, без головного убора, и стрельбы, пока я ехал, не было, и я вывез раненых.

Почему в меня не стреляли – можно только догадываться. После, в 97-м году, мы с Юрием Щекочихиным были в Ичкерии, президентом в которой уже был Масхадов, а вице-президентом – Ваха Арсанов, и мне сказали перед встречей с Вахой Арсановым: скажи спасибо ему, что ты остался в живых – когда ты тогда на бэтээре проезжал, тебя хотели «снять», а Ваха сказал «В этого лысого майора не стрелять!» И при встрече с Вахой Арсановым я сказал: спасибо, что дал такую команду, и я теперь от тебя не отстану и всегда буду обращаться, просить за тех или иных солдат, которые находятся в заложниках...

96-й год, 6-го августа – боевики вошли в Грозный. Эта ситуация была очень смешная, потому что за Грозный отве-

чала 101-я бригада ВВ, но организация была такой... что они не могли отвечать даже за себя, за то, что у них происходит внутри бригады, не то что за Грозный! Офицеры 101-й бригады, которые должны были в случае возникновения чрезвычайной ситуации прибыть к Дому правительства, – они не знали, где этот Дом правительства находится! Т.е., находясь полтора года в Грозном, они этот Грозный не знали! И поэтому, когда начались боевые действия, они шли по *центральным* улицам города и несли огромные потери – их уничтожали колонну за колонной!

В первый день нападения боевиков на Грозный командиром бригады мне была поставлена задача проверить блокпосты, их было несколько десятков, вокруг аэропорта Северный. Ночью я проходил их, пароль-отзыв и т.д., и на одном блокпосту, мне запомнилось, старшему, лейтенанту или прапорщику, объясняю ситуацию, он говорит: все мне понятно, боевики нападут, одно мне только непонятно – а куда нам отступать? Я говорю: слушай, перед тобой – минное поле, вооружение у тебя такое, какого у боевиков нет, – ты не должен никуда отступать. – Любой окоп на Ханкале превращался в такой ДЗОТ, что никак боевики не могли бойца взять, кроме единственного случая – если он побежит, если люди с блокпоста (7-8-10 человек их там было) побегут. Нужно было иметь мужество не бежать – таким образом сохраняя и свою жизнь тоже.

На второй-третий день, когда боевики напали на Грозный, я был направлен в расположение разведбата... Тогда погиб его командир, Станислав Кравцов, он стал Героем России посмертно, и временно его и.о. стал прежний его заместитель Ильин – очень образованный и умный человек. Например, я ему сказал (а мы стояли в таком месте, где находились 10-этажные дома, рядом – 5-этажные, а напротив нас – нефтянка, поле и там боевики, которые напрямую стреляли в наших людей): мы несем потери, хотя мы вооружены гораздо лучше и боевики к нам подобраться не могут, потому что находимся на открытом месте – надо наши окопы спрятать за эти пяти- и десятиэтажки. Ильин послушался и несколько дней мы не несли никаких потерь, а потом его вызвали в штаб бригады, а ему на смену прислали капитана Касатурова, который поддался на уговоры тех, кто призывал

«давайте атаковать!», и мы сразу стали нести потери. Кто начал атаковать – все погибли, убитых и раненых бросали на месте, на произвол боевиков, и отступали... Я стал кричать на Касатурова: «Кто ответит за этих убитых!? Кто перед их матерями ответит?»

По поводу взаимоотношений... Руководителем республиканского ГАИ тогда был полковник Лёма Магомадов, сейчас он вице-премьер Чечни. Один из его помощников, Магомед Байбатыров, подполковник, уже тогда ему было 59 лет, как-то говорит: «С одной стороны по нам стреляют боевики, с другой – ваш разведбат стреляет во всех чеченцев! Если ты будешь ночевать в здании республиканского ГАИ, то ваши не будут стрелять в нас». И я стал ночевать в здании республиканского ГАИ (раньше это был старый грозненский аэропорт). У Лёмы Магомадова на стульях я несколько дней провел. Потом мне Магомет говорит: Слава, мне 59 лет, мне надоело на стульях ночевать – мне дали ключи от одной квартиры, давай там одну ночь проведем! Ну, мы пришли в эту квартиру... Вдруг посреди ночи началась стрельба. Я ему говорю: надо выйти, начнутся боевые действия, а нас на месте не будет! Он мне: слушай, так надоело воевать – давай здесь спрячемся!.. Этот человек потом (уже где-то в 1999 г.) без вести пропал. Можно сказать, что его нету сейчас в живых. Но я его встречал еще и в масхадовской Чечне...

18 августа – чем этот день примечателен. В этот день место начальника группировки замещал генерал Пуликовский (тот, который был представителем президента на Дальнем Востоке). В этот день Пуликовский объявил прекращение огня на 48 часов, чтобы простые чеченцы могли выйти из Грозного, чтобы потом его зачистить от боевиков... В эти 48 часов, действительно, вывозили людей на Ханкалу...

А я находился у Лёмы Магомадова в ГАИ, спал на стульях и т.д... И сначала командир разведбата и офицер ФСБ подошли к Лёме, т. е. подошли ко мне, чтобы вместе обратиться к нему и сказать: Давай твои гаишники пойдут к боевикам, там у них есть раненые, убитые, пленные у боевиков, чтобы они как-то нам их отдали. И пошли два офицера из ГАИ, два чеченца, к боевикам – утром они ушли, вечером вернулись, доложили, что боевики сказали следующее: «Мы

отдадим вам убитых, раненых, если разведбат с этого места уйдет» (а мы находились там по приказу – т.е. это нам не подходило)...

И тогда командир разведбата и офицер ФСБ и подошли ко мне с улыбкой: Не могли бы Вы пройти к боевикам?.. Как бы я готов был к этому, что мне это предложат, и относился к этому спокойно, и знал, как себя вести (хотя, повторяю, боевиков я тогда видел только по телевизору). Я и пошел договариваться с боевиками, чтобы отдали наших убитых, раненых... Дали мне машину, «Урал», водитель на «Урале» сидел, солдат контрактной службы, года 22 ему было, дали белый флаг переговорщика... И я встал на подножку этого «Урала» и, махая белым флагом, мы потихоньку поехали туда к нефтянке. И вот, перед первыми окопами боевиков «Урал» остановился... Я посмотрел на водителя – водитель был весь мокрый, весь мокрый от напряжения! Я ему сказал: «Ты оставайся в машине, я пойду один». И я через окопы пошел туда, к боевикам. Пятиэтажные здания там находились, и со всех этажей мне кричали: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!»

Я подошел, меня окружили со всех сторон боевики. – Абсолютно я чувствовал себя спокойно, абсолютно никаких мыслей дурных у меня не было. И я сказал: «Я – майор Измайлов, я пришел сюда, чтобы вы отдали нам погибших». И сказал: если ваши погибшие будут у нас – мы тоже отдадим их. (Хотя я был не самый большой начальник, но взял инициативу на себя, как если бы это зависело от меня).

И мне даже не дали притронуться к этим погибшим ребятам (хотя до этого вообще отказали нашим чеченцам из ГАИ), погрузили убитых на плащ-палатки и рабочие (чеченцы и русские), которые копали окопы, потащили их через несколько рядов окопов к этому автомобилю. У меня самого не хватило бы сил тащить их эти 150-200 метров... И вот, они загрузили этих погибших, и стоят эти боевики: один из них был начальником разведки (я его потом встречал после войны, мы встречались в кафе)) и другой человек – не знаю, кто это был, – он весь был перевязан ремнями, и на ремнях был пистолет – не было кобуры, был пистолет. – А у меня была кобура, но в кобуре не было оружия.

Дело в том, что в июле месяце, 27 или 28 числа, за десять дней до начала августовских событий, я сдал свой пистолет и автомат на склад (я потом расскажу, почему), и у меня не было оружия – только граната у меня была в кобуре

(еще подсумок был с гранатами, подаренный гаишниками, но я его оставил, когда пошел к боевикам). И окружившие меня боевики – тот, перевязанный ремнями с пистолетом, он мне говорит (а за все время на том месте, мы почти месяц там стояли, до конца августа, никто из разведбата не обнаружил, что у меня пистолета нету, что я, майор Российской армии, вышел воевать без оружия), – он, первый, кто увидел, что у меня нет оружия, говорит мне, когда пошел у нас разговор и я сказал про их убитых и раненых (а сначала их командир мне сказал: «Мы знаем тебя, ты – майор Измайлов, ты делаешь очень много для своих солдат»): «Я смотрю, у тебя в кобуре нет пистолета – можешь мне подарить кобуру?» – А у меня в кобуре была граната и запал был вкручен в гранату. И вот, я расстегиваю ремень, кобуру, достаю из нее гранату и в присутствии боевиков откручиваю ее запал – а они никак не реагируют на мои манипуляции с гранатой (хотя я мог ее и всех взорвать), они во мне уверены, и я это чувствую, я чувствую и то, что они могут что-то подумать, но и уверенность была у меня, что они этого не подумают... Открутил я запал у гранаты, кладу гранату в один карман, запал в другой и даю кобуру этому боевику. Потом опять надеваю ремень и говорю ему: «Ты мне подари тоже что-нибудь!» – У нас получился контакт, уже пошло прямое общение, я был уверен, что они – как ручные: что ни попрошу – они дадут, сделают... Он говорит: «А что я тебе подарю? Вот, у меня есть нож». И он подарил мне нож. А на ноже том был выгравирован волк... И я говорю, чувствуя, что могу задавать и те вопросы, задавать которые раньше и не подумал бы, спрашиваю с улыбкой: «Ты ножом этим головы не резал?» – «Нет, – тоже с улыбкой мне отвечает, – только хлеб». И я беру этот нож.

Уже в конце нашей беседы я сказал: «Эта война, этот идиотизм рано или поздно кончится. Не стреляйте вы в нашу сторону, а мы не будем стрелять в вашу. Но я не главный здесь, и если будут стрелять в вашу сторону – не я давал это указание. И руководитель их пожимает плечами и говорит: «Все в воле Аллаха!»

Так я вывез наших убитых бойцов, что были у них и что они чеченским гаишникам не отдали, и следующие три дня, на три дня их хватило, наши слушались меня беспрекословно: что я говорю, то они и делают. Мы не несли потери...

с гаишниками, в разведбате

И еще я не могу не рассказать такой случай, уже две ходки я сделал к боевикам за убитыми, уже определенный авторитет у меня был. 19 августа – 18 августа Пуликовский объявил о прекращении огня – рано утром, ничего не говоря мне, хотя с Лёмой Магомадовым у меня уже сложились отношения, я ночевал у него в ГАИ на стульях, чеченские машины выстраиваются на улице и уходят одна за одной – все покидают пост ГАИ! И вот Магомет высовывается из своих «Жигулей» и мне говорит: «Поехали с нами!» Я ему отвечаю: я здесь нахожусь по приказу моего командования и дезертировать я не могу. Магомет на это: «Ты правильно делаешь»... Т.е. машины ГАИ полностью ушли, их здание осталось бесхозным... Первое, что сделали наши, – это открыли и взломали все сейфы, вытащили все документы, в туалет сходили, и по маленькому и по большому, в здании ГАИ. И я еду по этому поводу в аэропорт Северный и говорю Лёме: ты что, не собираешься возвращаться в здание ГАИ? Это что, в последний раз ты там был? Туда же сейчас невозможно войти! Дай мне кого-то из своих людей, чтобы хоть как-то охранять здание! И Лёма мне тогда дал несколько офицеров ГАИ, пять человек, и они спали на первом этаже здания.

Мы несколько дней были вместе – это были самые откровенные беседы. Так, самый страшный рассказ, что я вынес с войны, была история, рассказанная одним из старших лейтенантов, Арби его звали, тогда ему было лет 36. Он рассказывал о том, как его дочка, девочка 12 лет, заболела раком. И она просила у папы во время войны, во время боя, это были как раз августовские события, кассету с индийским фильмом, и он нашел эту кассету... Когда он рассказывал это, я не видел его лица – было темно, но я чувствовал, что слезы каплют из глаз этого мужественного человека. Она умерла, эта девочка...

Был еще такой эпизод. Когда я стал проверять своих людей, как они несут свою службу ночью – боевики могли ночью прорваться, – прохожу мимо одного окопа, а там

горит маленький костер, на костре чайник, и сидят бойцы, человек 7-8. Я подхожу к ним – один боец, контрактник, перешедший к нам из другого полка, он стоял около Шатоя, рассказывает что-то солдатам. Сам он уже меня увидел, но продолжает свой рассказ о том, как он в Гойском стрелял в семи-восьмилетних мальчиков и убивал их, «чтобы из них не выросли боевики». И все слушали его, не проронив ни слова. И я подошел и слушал его, и от такой наглости, я не нашелся, что ему сказать. Ночью, не видя его глаз, я не нашелся, что ему сказать, я был растерян (хотя на то время я уже дважды ездил к боевикам) – именно тогда, от этих слов.

Я вернулся в то здание ГАИ, где находились пять гашишников-чеченцев – я им рассказал об этом. И они молчали...

И утром рано, когда только рассвело, я пошел на этот пост, я всех построил, я вывел этого солдата-контрактника и сказал: «Я – майор Измайлов, я живу там-то и там-то, по такому-то адресу в такой-то квартире. И я хочу, чтобы все знали, я все сделаю для того, чтобы все знали твое имя». – И он растерялся, не проронил ни слова. И эти бойцы, которые там были, некоторые из них прошли Афганистан, и потом они ко мне подходили и говорили, что они тоже были растеряны... Они все боялись не пули от боевиков, они боялись своего, во время боя! – И тот ни одного слова не сказал.

А через два дня приехал старший офицер ФСБ из бригады, и он подошел ко мне и вызывающе так говорит: «Вы для чего здесь находитесь?» – А он был майором, и я был майором. Он говорит: «Вы будете писать объяснительную в моем кабинете!» – Т.е. этот контрактник, он рассказал все этому майору. И я ему говорю, так в лоб: ни при каких обстоятельствах я не буду в Вашем кабинете и Вам лично объяснительную писать не буду никогда! И он как бы немного успокоился и уехал. А я остался в разведбате до конца.

И вот, когда Лебедь договорился с Масхадовым в конце августа – а мы стоим с боевиками друг против друга, – командир разведбата подходит и говорит, что мы должны отойти, мы уйдем, а чтобы обеспечить отход на ночь, ну, на день-два, останется один взвод. А до этого, мне настолько надоела война и настолько я был раскомплексован – мне надоело все: надоело есть пшенку (бойцы ели собак – и не потому, что они были голодны, а потому что просто хотели

мяса – сдирали с них шкуры, они потом везде валялись, я их находил), все, чем кормили, чем поили, эта грязь, эта пыль, – я говорю одному из гаишников, Адам его звали (он сейчас майор ГАИ, живет в Саратове), говорю ему: «Адам, надоела эта тушёнка, давай залезем куда-нибудь, сворует, что ли, яблок или груш!» И Адам говорит: «Давай!»

И вот, мы отлучились (довольно далеко от месторасположения разведбата), залезли в один сад и начали обрывать груши, яблоки, сливы, что там висели (воровать, по существу)... И тут проезжают мимо на машине боевики (это была зона их ответственности). Адам кричит мне: «Боевики!» И заводит меня в один дом, говорит: «В женское отделение, быстрее, залезай под кровать!» – Ну, в женском отделении я не стал под кровать залезать... Боевики остановились, спросили у людей, нет ли кого русских, и поехали дальше. И вот я думаю, если бы я им попался, попал в плен – все бы в бригаде только и говорили: «А! Майор Измайлов! – он воровал, залез в женское отделение и сдался в плен...» Но, слава Богу, боевики меня не нашли, и мы с яблоками и грушами (и с дыней еще) вернулись в часть.

На месте же Касатуров, командир разведбата говорит: «Тридцать человек остаются, остальные отходят». Я спрашиваю: «А мне что делать? Мне тоже с вами отойти?» – Мне уже надоела эта бригада, надоел разведбат и его проблемы, мне тоже хотелось отойти! И он говорит: «Решайте, как сами считаете нужным». И я, вот с этой дыней, иду к автомобилю «Урал», где сидел как раз тот водитель, с которым я первый раз ездил к боевикам, – иду с этой дыней и боковым зрением вижу, что остается тот взвод, в котором тот солдат был, что говорил «я стрелял по чеченским детям». Он остается, а я с этой дыней, вместо того чтобы автомат нести, иду к машине, чтобы уехать. Я иду с этой дыней и боковым зрением вижу того контрактника – он стоит во весь рост и мне говорит так подчеркнuto: «*До свидания, товарищ майор!*»

Я ему не отвечаю ничего, донес эту дыню, минуточку-две, до «Урала», по ходу понимая: если я уеду сейчас, то все, что я делал, говорил, в том числе этому бойцу, все это окажется только словами. Я отдаю дыню и говорю Касатурову: «Ты знаешь, я останусь с этими тридцатью». И я остался с ними.

Я понимал, что самое безопасное, господствующее над местностью, расположение – это крыша десятиэтажки... Ночь мы провели на старом месте – я продержался, хотя мог бы стать жертвой со стороны своих, фактически; а утром, еще восьми утра не было, боец кричит мне: «Товарищ майор, Вас вызывает командир бригады!» Я ему отвечаю: «Я вам не верю!» (А дело было в чем, в прошлый раз, когда меня «вызвали по связи» к командиру бригады, разведбат вывез всё что можно наворованное из соседних десятиэтажек – обманули меня!) Он: «Ну, подойдите-подойдите, Вас вызывают!» – Командир бригады приказал мне вернуться в расположение бригады, но и этот взвод тогда уходил... так что я до конца оставался с ними.

Когда в конце августа я прибыл к командиру бригады, он сидит с генералом, проверяющим из округа, я перед ними, и командир бригады говорит: «Жалуются тут на тебя, майор Измайлов!» Спрашиваю: «А кто жалуется?» – «Разведчики жалуются и ФСБ жалуется, говорят, что ты им не давал воевать; что ты без головного убора ездил к боевикам!» – Я ему не возражаю, я полностью уверен в себе, что он мне не скажет – на одно его слово десятью отвечаю. Говорю ему: «Да, я без головного убора к боевикам ездил. – «А почему без головного убора?» – «Чтобы они меня узнали и не стреляли в меня!» И он никак меня перед проверяющим не может поставить в неловкое положение, а мне внутри даже смешно. И в конце он говорит: «Я подумаю, что с тобой делать».

И на следующий день он подумал, видимо, что со мной делать, и говорит: «Я придумал, тебе надо уехать в отпуск». – Война (пусть формально она и закончилась), никого никуда не отпускают, а меня отправляют в отпуск! Я говорю: хорошо, но можно мне сначала съездить на Ханкалу (на Ханкале находился госпиталь), чтобы получить путевку в санаторий. Комбриг мне: езжай! Я ему: а насколько мне брать отпуск? – Он в ответ: бери по максимуму! А «по максимуму» получалось где-то 90 дней – он: бери-бери, лишь бы тебя здесь не было!